

Дмитрий Веряскин

Дым

Поиск любви

Дмитрий Сергеевич Веряскин

Дым. Поиск любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9360436

ISBN 978-5-4474-0645-5

Аннотация

История поиска любви и себя самого. История человека, бежавшего от опостылевшей жизни, среди закоренелых, лживых людей, нашедшего свою любовь в далёком Кызыле...

Содержание

Глава 1. Новый день	5
Глава 2. Пятница	18
Глава 3. Шувалов	35
Глава 4. Дорога	45
Глава 5. Прошлое	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

ДЫМ
Поиск любви
Дмитрий Сергеевич
Веряскин

© Дмитрий Сергеевич Веряскин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1. Новый день

Утро...

Над городом, и, казалось, целым миром, все так же нависали серые, гноящиеся тучи, готовые в любую секунду вылить ядовитые слезы господни, смыв все то, что нам так дорого и любимо. Смыв боль, ненависть, горе.

Я смотрел в окно и ждал. Вдали гроыхнуло. Выпил глоток кофе. Пошел дождь. Мы остались гадить!!!

В ванной журчала вода, Ира напевала Билана: «Я просто люблю тебя». Закончились сигареты, из ее сумочки достал гейский Kent nanotek. Закурил. Капли дождя громко стучали по стеклу.

Насильно врываясь в уши, будильник отвратительно запикал, напоминая мне: «Все самое лучшее впереди!». Подобно собаке Павлова, начинаю пережевывать бутерброд, суечусь, тороплю Иру. Она, как обычно, невероятно плавная – крутит голой задницей перед моим носом, но мои мысли далеки от ее тела. Натягиваю брюки. Обижается. Сейчас и весь день я уже не в силах кого-то трахать, весь день будет трахать мой мозг Генеральный – Вася.

Довожу Иру до ЦУМа. Целует меня. Щипаю ее за задницу, взвизгнув, она радостно уходит.

Офис. Все, как обычно, унылые, не выспавшиеся, с тупой, силиконовой улыбкой рожи, готовые в любую минуту

содрать ее, показав истинное лицо – пасть злющего пса, текущий яд, огромные налитые кровью глаза, а за всем этим ужасом – заячья душа. Всё как везде.

Юля – наша краса и гордость! Год крутит задницей перед Васей, и он ей не вставил! Именно факт этого заставил усомниться меня и некоторых коллег в его гетеросексуальности. Можно пропустить кого угодно, но не вставить ей просто невозможно – шлюха высочайшего класса, знающая в совершенстве все приемы обольщения. Юля-стояк – так в шутку мы прозвали ее.

Вася вообще странный человек, ходячий, жирный, потный шкаф, с кучей разного размера ящиков, аккуратно заполненных разноцветными папками, файлами с экономикой, менеджментом, рекламой, пиаром, отчетностью за квартал, за год. Цифры, буквы, цифры, буквы – в этом весь Вася.

И сейчас этот цифробуквенный микс въедается в меня своими глазами-бусинками.

– Николай, ты работал с «Тайфуном»?

– Да, – отвечаю я.

– Тут такое дело... Одному из моих сибирских партнеров нужна помощь и как раз франшиза «Тайфуна» – плевое дело...

– Можно суть? – спросил я, оборвав его вранье. Чувствуя, что это плевое дело – очередная гроздь геморроя в моей заднице, которая все никак не привыкнет.

– В двух словах. В Республике Тыва она хочет открыть сеть «Тайфун», опыта работы нет в этой сфере, поэтому она обратилась ко мне. Я хотел отправить в командировку Юлю и Андрея Филиппова, но Юля настаивает на твоей кандидатуре.

– Во-первых, не могу представить, где это – Тыва, во-вторых, с «Тайфуном» не всё так просто.

– Определенные договоренности уже существуют, вам нужно организовать рекламную компанию и оценить рынок. Да еще и твои добрые отношения с Артуром. Ерунда!

С этой ерундой я вышел из его кабинета, мог отказаться, но командировочные в размере месячной оплаты, халявная еда, проживание, плюс Юля, благодаря которой вскоре я мог пополнить армию онанистов, а главное – желание уехать из этого города и неважно, куда. Главное, что подальше от вечерних совместных просмотров сериалов с закадровым смехом, делающих меня идиотом, подальше от планирования не планируемых вещей, подальше от завтра, подальше от вчера. Ближе к сегодня. Ближе к жизни!

Тыва...

Далековато, практически трое суток в поезде и полдня на авто. Сегодня четверг, в субботу мы выезжаем, во вторник будем на месте. Весь день я просидел у компьютера, собирая информацию о Тыве, лютые холода, Саянские горы, снежные барсы и море марихуаны, невероятно красивые места (судя по фотографиям), минимальное проникновение сраной

цивилизации, от которой нескончаемые рвотные рефлексy. Должно понравиться!

На этой мажорной ноте я вышел из офиса. Свинцовые тучи, как ни странно, пропустили несколько лучей солнца, будто освещая мое предстоящее путешествие, щурясь, я впустил их. Вдохнул полной грудью смесь кислорода, выхлопных газов, парфюма, человеческой крови, запаха пыток и боли, нищеты и безысходности, сел в машину, закурил и поехал за Ирой. На М. Горького пробка, на Пушкинской всё в норме – сообщает диджей радио «Адам», приятным голосом, верю. И включаю DFM, где никогда нет никаких пробок. Вообще, я верю всем. Обмануть меня, что может быть проще? Меня обманывают все без исключения. Коллеги на работе с наигранным участием спрашивают: «Коля, вид у тебя какой-то подавленный, может, нужна помощь? Ты знаешь, для тебя – что угодно». «Ты знаешь, этот ролик „Для сантехника“ – удачный рекламный ход». Обманывает Ира, говоря мне о своей любви, то же, вероятно, она говорит тому качку из отдела спортивного питания, который трахает ее во время обеда. Меня обманула собственная мать, уговорив меня покинуть теплое, уютное место в ней, уверяя, что снаружи гораздо комфортнее. И даже сейчас этот огромный баннер с рекламой автомобиля «Чувствуй перемены» нагло врет, перемен нет и не будет!

Лживый век!

Я остановился у площади. Несколько таксистов с лица-

ми победителей ели семечки, сплевывая скорлупу на асфальт. Звук захлопнувшейся двери спугнул черных, красноклювых голубей власти, вскормленных в резиденции президента. Армадой вражеских бомбардировщиков они летели в сторону пруда, сбрасывая кассетные бомбы вонючего дерьма. Глупые ноги хотели унести меня, спрятать под кроны деревьев, но ощутили сопротивление. Я стоял по колено в дерьме! Люди же спокойно проходили мимо, отвратительно чавкая и совершенно не замечая, в чем они живут. Они, я, все мы давным-давно стали частью этой вонючей жижи, превратившись в безмозглые машины по производству дерьма. Мы – то самое образованное, цивилизованное общество, где отребье и всевозможная нечисть зовут себя господами.

Звонила Ира.

– Да, – ответил я.

– Ну ты где? – резко и даже грубо спросила она.

– Я на площади, поднимайся, на Горького пробка.

– Всё, иду.

Я сел на скамейку, ожидая ее и провожая взглядом прохожих. Многие, проходя мимо, не стесняясь, тыкали в меня пальцем, истерически смеясь. Их дико смешили огромные, ветвистые рога, растущие из моей головы. Я – «Вечный муж» Федора Михайловича, единственно без шляпы и крепа на ней и без раздирающей, язвительной ревности внутри.

И можно ли скорбеть по живым мертвецам? Ира восхищается их красотой, растит их, ежедневно сплевывая семя

этого напротеиненного качка мне на голову, будто выращивая «Клубень» Сорокина. Осторожно касается их, расшатывая ржавые гвозди Святого писания, вбитые в ее детскую голову. Она любит свои рога, и я их покорно ношу, не являясь их ревнивой частью, а только почвой. У меня никогда не было чувства собственности к ней, не было ревности, не было и нет желания разоблачить ее. У меня нет к ней ничего, кроме мертвой эрекции.

– Привет, – целуя меня в щеку, сказала она, – как у тебя день прошел, не устал, ел в обед?

Она не ждала ответа, это протокол.

– Нормально все, – ответил я.

– Поехали домой.

– Поехали.

Почему я с ней? Или наоборот она со мной, потому что у меня член, а у нее влагалище. Этого мало? Может быть, потому, что я правдолюб, а она радикальная лгунья, она как ни странно верит в Христа и носит крест, а мне симпатичнее Будда, она скупа, а я последнее отдам нищим, я люблю собак, а она кошек. Она восхищается Биланом, а меня тошнит, она любит «Дом-2», а я бы выжег его напалмом...

– Я купила тебе диск Tiesto – доставая из сумки его, сказала она.

– Зачем? У меня уже есть этот set.

– Ладно, верну обратно, – уставившись в дорогу, обиженно сказала она.

– Не нужно, тут есть бонусы, миксы на Dance for life, я их не слышал, спасибо.

– Тебе никогда не угодишь, хочется сделать тебе приятно, а ты...

Она не закончила, что я? Это для меня так и останется загадкой. Правда можно предположить, например, свинья неблагодарная, вечно недовольный, хоть бы раз сказал спасибо (кстати, я говорю всегда), мог бы оценить. ЦЕНЮ!

У подъезда она с отвращением посмотрела на то, как я пожал часто трясущиеся руки Коли Черного и Андриюхи Хромого. Интересно, есть ли хоть один человек на «Буммаше», не знающий эту парочку? Все от мала до велика знали Черного и Хромого. Большую часть своей жизни они просидели за решеткой, их сердца, души, память познали лишь предательства, унижения, голод, произвол и ничего больше, хотя их души требовали другого. И теперь они безуспешно пытаются забыться, смыть алкоголем все то, чем наполнены их души. Сейчас им известно, что такое счастье, но места для него в их сердцах нет. С ножом и пистолетом в руках они искали его, с завистью, жадностью в душах и грязью в сердце. Искали его в мехах, золоте, деньгах, боролись, дрались до крови за то, что борьбы не требует. Пытались обрести счастье в чем-то, но и в чем-то счастья нет. Оно покоится в нас и только в нас. Оно – динамитная шашка, поджигая которую, ты зажмуриваешь глаза, дрожа всем телом, ожидая взрыва. Взрываясь, она порождает колоссальной силы волну, сопо-

ставимую с потенциалом ядерного щита России и США вместе взятых. Эта волна разрушает всё! Разрушает все то, чем ты жил прежде, разрушает прошлое, уничтожая приобретенный опыт и знания, выметает из тебя все то дерьмо, которым насильно кормили тебя с раннего детства. Взрыв слепит тебя, дезориентирует, ты не можешь смотреть, но спустя короткое время, обретая способность ВИДЕТЬ, ты сходишь с ума от счастья. Ты тонешь в многообразии красок, видишь те цвета, которые не могли присниться в самых абстрактных, фантастических снах, видишь жизнь в свете господнем.

Я дал мужикам пятьдесят рублей и пошел вслед за Ирой, она готовила ужин, лег на диван, включил купленный ею диск Tiesto. Из акустической системы полилась музыка. Еле слышный бит, становясь все отчетливей, смешанный с сотней звуков, сладко раздражал слух. Музыка, подобно паузе в сумасшедшем потоке бесполезных событий, она – молот, разбивающий склеп с заживо погребенной душой, она – глоток воды для умирающего от жажды в пустыне, она – луч льющегося, густого, теплого света, пробивший стены глухой темницы, наполняя сердца страждущих надеждой.

Ира приготовила ужин. Человек, знающий толк и получающий удовольствие от пищи, был бы приятно удивлен разнообразием кухни. Я же абсолютно равнодушен. Меня вполне устраивает кофе с бутербродами, яичница с беконом, омлет, пельмени, салат из супермаркета. Она с детства усвоила народную истину, которая кажется мне глупостью: «Путь

к сердцу мужчины лежит через его желудок». Через мой же желудок этот путь закрыт, как и через секс. Именно эти два пункта и их идеальное исполнение она считала залогом счастья. На мой вопрос о счастье она отвечала какой-то нелепицей, для нее оно не имело какой-то определенной формы, каких-то составляющих. Лишь огромное желание разлагаться в огромном бетонном скворечнике, облачать в дорогие наряды свое гниущее тело, побольше всего и как можно дороже. Иногда мне казалось, что ее взгляд просветляется и она видит. В те моменты я пытался говорить с ней, помочь ей. Начиная с элементарных вещей, тех которые травят ее. Я говорил ей, что человек, живущий во лжи, не способен даже коснуться счастья. В тот же миг она облачалась в боевые латы, обнажала клинок, отражая мои нападки. Я был не на ее стороне.

— С чего ты взял? — сама не ведая, изобличала она себя, — я честная и порядочная девочка, — уверяла она с улыбкой, далеко не порядочной.

Разве я об этом? Ее жизнь война, война с собой, в которой нет и не может быть победителей и проигравших. Она росла в христианской семье, где с детства учили тому, что прелюбодеяние — смертный грех. С другой стороны, она была слаба, ее самооценка нуждалась в постоянной подпитке извне. Ей нравилось быть желанной, моей эрекции ей со временем не хватало, ей нравятся восхищающиеся ей взгляды, мужчины с текущими слюнями, эрекцией. Ей нравятся ар-

мии онанистов, шныряющих по просторам инета, иначе как объяснить периодически обновляемые ее ню-фотосессии на vk.com?

На столе стояли две парящие чашки с фасолью и мясным гуляшом, украшенные листьями салата и петрушки. С выжидающей улыбкой она смотрела мне в глаза.

– Выглядит потрясающе!

– Я старалась.

– Спасибо, Ир.

– Ну, всё, давай кушать, приятного аппетита, – суетливо сказала она.

И это каждый день! Каждый день таким образом она испекла придуманную ей вину, за мое молчание, рога, за то, что она невероятно хитрая и коварная, отловила меня такого покладистого, ничего не знающего оленя, которому накинула лассо на рога, затащила в стойло, где я счастливо мычу.

Весь ужин мы молчали, слушая, как пережевывается пища во рту друг друга. И каждый ковырялся в том дерьме, что представляла наша совместная жизнь.

Я вымыл посуду под ее пристальным взглядом, как обычно, она пыталась препятствовать этому. Открыл окно под рассказы бесконечных анекдотов, ежедневно происходившие в ЦУМе. Закурил. Она рассказывала о пьяном мужчине, который купил ДОРОГУЩИЕ серьги двум девушкам из ювелирного салона, не зная их абсолютно! В отделе джинсов он получил отказ от продавца, молодой девушки, дать

ему номер телефона и обещания поужинать с ним, видимо, потому, что он был выпивший, сел на пол и сказал, что уйдет только с ее номером и согласием отужинать.

– Коль, там такое началось...

Я потушил окурок.

– Пойдем в зал.

Мы сели на диван, она с огнем в глазах продолжала рассказ о том, что там началось. Постепенно ее болтовня перешла в монотонный гул, в котором невозможно выделить слова и фразы, отдаваясь от меня и не касаясь моих перепонки. Я вижу ее шевелящиеся красивые, пухлые, немые губы. Ее глаза, наполненные огнем, не способным обжечь и согреть кого-то. Я встаю с дивана, впиваюсь в ее рот, она мне отвечает, ее халат падает на пол. Мои пальцы в ее узком, влажном, горячем влагалище. Она опускается на колени, быстро справляется с брюками, сжимает кошелек, лижет головку члена. Берет меня за ягодицы и жадно заглатывает член. Я поднимаю ее, поворачиваю к себе спиной, она встает коленями на диван, выгибает спину, подставляя мне сочащееся влагалище. Вхожу и начинаю с остервенением трахать ее, взяв за волосы. Думаю о задней стойке, которая со вчерашнего дня застучала, о вечно лживом автослесаре, который скажет, что мне придется долго ждать, пока ее привезут. Доплачу ему, и вопрос решится моментально. Всем нужны деньги! И слесарям тоже. Трахаю ее долго, с меня бежит пот, она уже не стонет, а мычит, жадно хватая воздух, уткнувшись лицом

в угол дивана. Ее тонкие, длинные пальцы упираются мне в живот и в ногу, безуспешно пытаюсь контролировать мой натиск. Кончаю, содрогаясь всем телом, отпускаю ее, она валится на бок, тяжело дыша.

Сажусь на прохладный пол, через голые ягодицы мое тело наполняется прохладой. Дотягиваюсь до столика, наливаю воды, предлагаю ей, она отказывается, нежно, наверно, даже по-своему любя, смотрит на меня. Выпиваю большой глоток, смотрю на ее поднимающуюся грудь, на ее бедре блещит мое семя, вытекающее из ее мертвого влагалища. Она встает, целует меня в лоб, уходит в ванную, я иду за ней. Она моет меня, моет нежнее и заботливей матери, долго моет член, мошонку, сильно намылив руки, трет пемзой ступни ног. Она любит это тело, доставляющее ей удовольствие. Мы лежим, она прижалась ко мне задницей, моя рука покоится на ее животе, чувствуя ее слабое, мертвое дыхание. Она смотрит ТНТ, проект «Дом-2», она, как и миллионы других, следит за строительством медийной любви. Смотрю сквозь нее, сквозь панель, в которой Собчак крупным планом, смотрю сквозь стену, за которой сосед Стас опять пьян, а над ним жена Аня с претензиями, делящимися не один год. Смотрю сквозь их червивые внутренности, смотрю сквозь стены, стены, стены... Смотрю за горизонт, за атмосферу, за пределы солнечной системы, смотрю сквозь поглощающую меня, расщепляющую меня на атомы черную дыру. Перемолов в своей утробе, она являет меня другому, казалось бы, далекому

миру. Миру, где Создатель – не девять букв, миру, где Создатель в каждом, где каждый и есть Создатель, где каждый – активный вулкан, где каждый – водопад, ураган, ливень, где каждый – ЖИВОЙ! Там, где Создатель не бросил нас, видя, во что мы превратились, там, где он совсем рядом, лишь протяни руку, и он поглотит тебя всего, без остатка. Там, где сможешь раствориться в нем, вечно нежась в его теплом, порой обжигающем лоне. Там нет протоколов, там все искренне и естественно.

Там РАЙ!

– Я уезжаю в командировку.

– Куда? Коль, подожди, сейчас реклама начнется.

Уснул.

Глава 2. Пятница

Я шел по лесу. Кроны деревьев настолько густы, что солнечный свет практически не проникает. Я совершенно нагой, ветки деревьев больно ранят тело. Не пытаюсь увернуться, иду вперед. Вдалеке слышатся веселые голоса мужчин и женщин, делаю шаг, и эти голоса становятся ближе, еще шаг, сухая ветка впиалась мне в грудь, разорвав кожу. Шаг, голоса уже разрывают мои перепонки. Я сплю. Это голоса ведущих утреннего шоу «Русские перцы» на «Русском радио».

На ощупь ориентируясь, я отключил его. Ира проснулась. Новый день. Я налил себе кофе. Она поет в ванной, вышла со светящимся лицом. Закинула в микроволновку круассаны, налила кофе и села рядом.

– Коль, что там про командировку? Ты у меня вчера устал, зая, рано уснул, – пропела она.

– В субботу я и начальница отдела едем в Тыву, – шевеля белыми пушистыми ушами, ответил я.

– Это где? – удивилась она от незнания этого места.

– Юг Сибири, до вчерашнего дня я и сам не знал, где это.

– Ну, это у нас, в России.

– А Сибирь есть в штатах?

– Не умничай.

– Все! Туплю! – сказал я, пытаюсь изобразить вид заигнорированного генерала.

Она засмеялась:

– Ты ведь у меня такой милый и самый умный, – сказала она, поцеловав меня в нос.

– Едем примерно на две недели.

– Так долго... А как же я здесь одна? – не дожидаясь ответа, продолжила она, – обещаю, что будешь мне часто звонить и писать.

– Обещаю.

– А что там, зая?

– Давай завтракать, а по дороге расскажу тебе.

– Хорошо.

Пока мы ехали до ее работы, я обо всем ей рассказал. На светофоре она больно сжала мой член и мошонку, сказав: «Не дай бог, будешь совать куда попало мою конфетку, оторву».

Поцеловав меня в щеку, она ушла. В офисе всё как всегда, и пусть исчезнут целые континенты, пусть Африка, Америка, Европа будут охвачены войной, эпидемиями. Мы все так же будем создавать сладкую, манящую пилюлю, двигающую торговлю, рынок, прогресс к огромной пропасти. Мы будем посыпать экскременты сахарной пудрой, прятать их за счастливыми лицами и красивыми словами. Прятать в красочную упаковку, окропляя все ароматами DG, Lacoste, Boss, Gucci... И жизнь людей никогда не утратит выдуманного нами счастья, смысла, радости. Пока существует реклама – существует аппетит, а значит, существуем мы!

Налил чашку кофе и попытался опять взглянуть чужими глазами на Тыву, но информация была крайне скудной. В обед я поехал в «Позимь», там меня ждал друг детства. Серега – необычный человек. Помню, в пятом классе мы записались в секцию бокса, если я не добился чего-то особенно-го, забросил, он – напротив. Несколько раз выступал на Кубе и побеждал. А кубинская школа очень сильная. Окончив школу, я ушел из бокса, Серега уехал в Новосибирск, где продолжил тренироваться, пять лет мы не видели друг друга. Вернулся он совсем другим. На его сознание оказывали сильное влияние Пелевин, Сорокин, Уэльбек, Рембо. Последним он восхищался, и я считаю, заслуженно. Серега не ел мяса, нет, он не вегетарианец, он – Солнцев Серега. Человек, живущий в созданном самим микрокосмосе и не впускающий туда никого. В ресторане я сразу заметил его огромную, улыбающуюся голову. Он пожал мне руку и заключил в медвежьи объятия.

– Ну, садись, дорогой.

Я сел, он продолжал говорить, плавя мое сердце теплым, чистым взглядом.

– Как ты? Две недели не видел тебя, кажется, целая вечность.

– И я рад видеть тебя, друг.

– Писал тебе на мыло, что не заходишь?

– Работа, Серый, и плюс нежелание смотреть почту, писал бы ты один, но там столько разной мути.

– Ладно, ладно, что есть будешь?

Официант уже стоял у столика.

– Солянку и гранатовый сок.

– И воду без газа, – добавил он.

– Обедал уже что ли?

– Дружище, тебе сколько лет? – спросил он.

Я удивился вопросу.

– Тебе ли не знать? Тридцать один нынче будет.

– Молодой, – улыбаясь, говорил он, – красивый, а главное, разумный, но страдающий потерей памяти. Пятница сегодня.

– Точно! У тебя разгрузочный день.

– Ты не безнадежен, как мне показалось минуту назад.

Заказ принесла очаровательная девушка, солянку и сок она ставила пустому месту, клиенту, который только должен подойти, а вот воду Солнцеву Сергею – мужчине respectable вида, великану, с чистыми, как у ребенка, голубыми глазами. Она ушла, вложив в свой уход всю сексуальность и изящество, каким только обладала.

– Очередной пылесос, – выпив залпом бокал воды, сказал он.

– В смысле? – засмеялся я.

– В последнее время все они мне представляются именно такими, непрерывно и жадно всасывающими пылесосами. Вытягивая из нас всё: деньги, время, энергию, а главное, свободу. Я даже реже стал трахать их, они опустошают меня,

забирают сексуальную энергию, аккумулируют ее, как вампиры. Ты устаешь как конь после пашни, а она порхает довольной бабочкой. Тебе хочется восстановить силы, уснуть, побыть в тишине, она этим не довольна.

– Не все пылесосы, Серега.

– Все брат! И не спорь! Ну, если только Ирка твоя – нет, – улыбнулся он.

– Она не моя, и быть моей не может, как и любая другая. Ее по твоей классификации можно отнести к категории пылесосов. Она мертвое мясо, как я не пытался, не смог воскресить, что там я, сам Господь не взялся бы за это.

– Ну и какого хера ты с ней живешь? – спросил он.

– Не с тобой же жить мне, хотя ты ничего.

Все еще смеясь, он спросил:

– Где же тогда эти не пылесосы, о которых говоришь ты?

– Везде!

– Это не ответ, – возразил он.

– Дружище, все дело в нас. Ты, я и многие другие – просто члены из стодолларовых купюр. Когда мы будем другими, они появятся, женщины, в жилах которых электрический ток, а между ног шаровая молния, которая будет дарить часть своей чистой энергии.

– Не факт, что я встречу такую. Но я все-таки не просто хер стодолларовый! Я большой, красивый, стоячий хер из крупных банкнот!

– А я встречу.

– Дай бог, брат, – сказал он, погрузнев.

Я съел суп, выпил сок, Серега заплатил за обед и мы вышли. Прикурил сигарету.

– Бросить не хочется? – спросил он.

– Зачем?

– Разве не очевидно, зачем? – изумился он, – почти, что пишут на пачках для особо одаренных? Курение убивает!

– Меня убивают люди, ежедневно и ежесекундно, а сигареты курю и просто не думаю об этом.

– В этом вся хитрость, Коля! – он даже поднял палец вверх, говоря это, – производители сигарет тебя ебут, разве не ясно?!

– Предельно ясно, – спокойно отвечал я ему, – дело в том, что я привык быть ёбанным. Ебут везде и всюду. Поэтому если ты хочешь быть не ёбанным, недостаточно бросить курить, нужно менять все! Следовать моде на якобы здоровый образ жизни мне не хочется. Я за здоровье души и сердца, жаль, что не сообщают о смертельных вещах для них, а напротив, пропагандируют яд.

– Ты как обычно все слишком накручиваешь.

– Нисколько, а напротив. Если бы я смог прикоснуться к центру того дерьма, что заполнило нашу землю, если бы смог ощутить его масштабы, мое сердце остановилось бы или бы я сам ушел из жизни, не в силах жить с пониманием этого бедствия.

Он положил руку мне на плечо, улыбнулся.

– Колян, я смотрю, тебе все хуже и хуже, куда уходить? Пусть они и варятся в этом дерьме, попробуй минимизировать его проникновение в свою жизнь. А там, после земли, пустота, нужно жить несмотря ни на что!

– Я никуда и не собираюсь, – улыбнулся я.

– И правильно, – похлопав меня по плечу, он продолжил, – тенденции к суициду я в тебе не вижу, мотивация к жизни – женщина с шаровой молнией.

Теплый день, солнце приятно греет, мы смеемся, время замедлило свой непрерывный, бешеный ход. Давая насладиться минутами искреннего счастья.

– Я завтра еду в командировку.

– Куда?

– На ГОА! – смеясь, ответил я.

Сергея засмеялся.

– Твоя контора максимум может отправить в Можгу.

– В Можгу, не в Можгу, но далеко, в Республику Тыва.

– Нихера! – удивился он, – на границу Монголии, я почти там был, в Абакане. Надолго едешь?

– На две недели.

– Планчику покуришь, – подмигнув, сказал он, – вся Сибирь курит Тувинский гашиш, жесткая вещь!

Он посмотрел на часы, десять минут третьего.

– Пойдем, дам тебе кое-что.

Сел к нему в машину, открыл подлокотник, достал футляр от сигарет Camel limited edition, в котором лежали два паке-

тика с кокаином.

– Кокс хороший, не груби.

Я убрал его во внутренний карман пиджака.

– Спасибо, Серый.

– Да не за что, отдохнешь, нужно иногда. Ладно, Колян, у меня встреча. Звони.

Мы пожали друг другу руки, и он уехал, я смотрел в след его BMW X5. Позвонил Юле, сказал о том, что не приеду в офис, она не возражала, говорила со мной очень любезно и мило.

– Готов к поездке? – спросила она.

– Всегда готов!

Она засмеялась:

– Мне как-то страшновато, они там типа китайцев или чурок, я их не люблю.

– А кого любишь?

– И еще не люблю неуместных, идиотских вопросов.

– Прошу прощения.

– Коля, не издевайся, не забывай, я твой начальник.

– Только это меня и останавливает.

– От чего это? – как мне показалось, она восприняла всерьез мою последнюю фразу.

– Юлия Николаевна, я шучу.

– Ладно, шутник! До завтра.

– До завтра.

Говорила со мной, как с бойфрендом, может быть, я

об этом просто не знаю, и только сейчас она сообщила мне, уверенная в том, что я сочту это за дар судьбы. Безусловно, она красивое мясо. Идеальная, красивая грудь, которую она часто демонстрировала мне, нагибаясь над столом, говоря мне какую-нибудь чушь, а я, совершенно не слушая ее, пробирался в расстегнутую блузку, залезал под лиф и, словно альпинист, вскарабкивался на самую вершину ее холмов, впивался в соски, замирая от удовольствия. И всегда она прерывала мой полет так же неожиданно, как и возможность летать. Ее бедра, карие похотливые глаза, чувственные губы, красивая улыбка – все казалось в ней идеально. Но за идеальной оболочкой не было ничего. Лишь деньги, ложь себе и всему тому, что окружает ее, бренды, золото, черви и запах падали. Она огромная, красивая жаба, желающая съесть как можно больше.

Я насыпал немного кокаина на CD, расчертил дорожку, свернул купюру трубочкой и резко втянул. Кокаин осел на слизистой, попал в носоглотку, приятно горчил. Я ждал волну, и где в глубине меня уже появилась еле заметная рябь. Набрал номер Иры.

- Да, Коль, – весело ответила она.
- Ир, поедem сегодня куда-нибудь?
- Куда?
- В гопотеку какую-нибудь, другого нет.
- В «Шувалов»? – радостно предложила она
- Хорошо, сейчас домой, в семь заберу тебя.

– Ты не в офисе?

– Нет, я у ресторана, обедал с Сергей.

– Как он?

– Как обычно, нормально, гостинцев мне дал.

– Какие еще? – не поняла она.

– Такие, от которых я бы разорвал тебя сейчас, но сделаю это ночью.

– Правда?!

– Правда.

– Я тоже хочу.

– Вечером, – ответил я.

– Ну всё давай, заберешь меня, много не жри.

– Хо-ро-шо!

Я включил Ferry Corsten, из динамиков обрушился на меня его Radio Crush. Полон сил, я ехал дамой.

На 10 лет Октября заехал в «ИЖТРЕЙДИНГ», купил бутылку Martell. Народ кишил, тележки, корзинки, наполненные снедью. Потребительский Рай!

Дома принял еще дорожку кокаина, вспомнил сегодняшнее, вчерашнее, позавчерашнее утро, вспомнил утро, которое было месяц назад, и даже то утро, которое было один год, один месяц и один день назад! Вырвал из деки домашнего кинотеатра антенну для радио, скрутил от нее провода и все выкинул в мусорное ведро. Сел за компьютер, зашел в «Мой Мир» на Mail.ru, написал: «Спасибо радиостанции «Русское радио», продюсерам, редакторам, звукорежис-

серам. Огромное спасибо ведущим утреннего шоу «Русские перцы». Также спасибо сводящему с ума меня «Радио Дача», в ротации которого вечные хиты, которые очень любит мой генеральный.

Благодаря всем вам я выкинул в помойное ведро свой радиоприемник».

Зашел на Wwin, за три часа всадил сто баксов, хотя мог снять пятьсот, нет тормозов. Вспотел, принял душ. Поехал за Ирой. Добрался быстро, позвонил ей, она сказала, через пятнадцать минут выйдет. Стуча пальцами по рулю, слушая радио DFM, ждал ее. Пятница... Люди радостно плыли мимо, держа пакеты и набитые сумки. Молодежь стекалась на площадь, беззаботные, с пивом в руках, перекрикивающие друг друга, не подозревающие, как цепкие щупальцы потребительского мира, затянут их, не оставив надежд вновь обрести то состояние иллюзорного счастья, в котором они пребывают сейчас. Щупальцы подведут их к стартовой дорожке трека, у которого нет конца, под названием всепоглощающая жадность. Где сошедшие с дистанции закапываются в землю, съедаются червями, не оставив и малейшего следа после себя.

Улыбаясь, Ира села в машину.

– Привет, зая, – поцеловала она меня в щеку.

– Привет, малышка.

– Какой ты у меня сегодня нежный, а зрочки то по пять копеек!

– Это я тебя увидел.

– Страшная сильно, испугался, бедненький, – засмеялась она.

– Нет, напротив, слишком красивая, мое зрение и сознание не было готово воспринять подобное, оттого они и расширились.

– Может быть, – смеясь, говорила она, – и мне этот чудный порошок поможет видеть иначе.

– Не иначе, – перебил я ее, – а без шелухи, реально. Будешь прямо сейчас?!

– У тебя с собой, что ли?

– Иначе зачем бы я спрашивал?

– Ко-о-оля, не умничай. Буду сейчас.

Я сделал ей дорожку, свернул купюру, прежде чем принять, она пошмыгала маленьким носиком, но невероятно жадно сосущим кокаин. Тронулся, она шмыгала носом.

– Зая, я сегодня у тебя буду сильно плохой девочкой, – через джинсы глядя мой член, говорила она, – а ты меня будешь наказывать, в киску и твою любимую шоколадно-медовую попку.

Ее пухлые губы, язык изливали похоть в мои уши. Густым, горячим потоком она протекала в низ живота, заполнив мой член так плотно, что ему стало тесно в трусах и джинсах.

– Достань его, – попросил я.

Она расстегнула пуговицы пояса и прорехи, справилась с трусами, высвободив член и мошонку.

– Коль, мы не разобьемся? – оторвав взгляд от члена, все так же глядя его рукой, спросила она.

– Нет, я сейчас припаркуюсь, – сказал я, оторвав правую руку от руля, давая ей поглотить член жадным ртом.

Я быстро кончил, высосав последние капли семени, она высвободила член, громко чмокнув. Несмотря на меня, достала влажную салфетку, сплюнула в нее семя и выкинула в окно.

– Дай салфетку, – попросил я.

– Я вытру, – ответила она.

Нежно вытерла член и без моей помощи застегнула джинсы.

Закурил.

– Коль, поехали домой, у меня там уже потоп, – умоляюще смотрела на меня глазами с огромными зрачками.

– Поехали, – выкинув окурок в окно, я нажал на педаль газа.

– Я надену то платье, в котором мы ходили в «Звезду» в Самаре, и в котором я выглядела, как ты тогда сказал, как дорогая шлюха.

– Я сказал то, что мне виделось.

– Ты дурак, я его надевала для тебя.

– Для меня, Ир, ты лучше, когда раздета. А обнаженная часть задницы и титек в публичном месте – не для меня.

– Ты ничего не понимаешь, – изобразив обиду, сказала она.

– Возможно... Ир, ты же знаешь, меня не волнует мнение социума и каких-то сраных идиотов в отдельности. Их мысли о том, что рядом со мной такая охеренная девочка, мне не нужны.

– А мне нравится, что ты не смотришь ни на кого, кроме меня, а о тебе, я знаю, многие мои подруги мечтают.

– Ничего себе, сегодня день откровений, и кто же это?

– Не скажу, а то вдруг ты захочешь воспользоваться.

– Не захочу, и не говори.

– Платье я надену это! И буду сегодня необыкновенно красивая.

– Ты всегда необыкновенно красивая.

– А сегодня буду по-особенному.

– Ну, хорошо, – закончил я.

Мы подъехали к дому. Закрыв за собой дверь квартиры, я не увидел в прихожей Иры, она за это время выскочила из туфель и скрылась где-то в квартире. Я прошел в кухню, достал из холодильника минеральную воду, наполнил стакан и залпом осушил его. Ира кричала из зала:

– Коля, пошли в душ.

Я шел навстречу ее голосу.

– Я не хочу в душ.

– Я дам тебе, не хочу! – совершенно голая, встретила она меня.

Быстро стянув с меня одежду, она утащила меня в ванную. Через час, вкусив ее сочного, молодого тела, я вышел

из ванной, заставляя ее задыхаться, истошно стонать глубокими фрикциями и бешеной стимуляцией клитора. На ее лице я прочел удовлетворение.

Она осталась в ванной.

Голый, я рухнул на кожаный диван, наслаждаясь прохладой. Включил Above & Beyond и закрыл глаза. В голове кружились мысли о предстоящей поездке, почему эта командировка так сильно волновала меня? Возможно, я просто устал, и мне необходима смена декораций, а может быть, она мне сулит что-то такое, о чем сейчас я и не мог представить.

Ира вышла из ванной. Встала надо мной в коротком, черном, шелковом халате, в нем она нереально сексуальная.

– Что ты развалился здесь с голым хером?

– А что? – засмеялся я.

– Сейчас возьму и оторву, – и только сказав это, она схватила меня за мошонку, так сильно, что с губ моих сорвалось: «А-а-а-а-а».

Она же угрожающе сморщила нос.

– Оторвала бы тебе их.

– Зачем это?

– Положила бы в баночку и любовалась.

Я смеялся.

– А так, когда они висят между моих ног, нельзя?

– Да, в банке они будут стремные, пусть висят.

– Может, взбодрим тела? – спросил я.

– Давай.

Я расчертил две дорожки на столике, пододвинул кресло и поглотил одну. Ира села мне на колени и последовала моему примеру.

– Надо конины хряпнуть, – сказал я.

– У нас только виски.

– Я купил, пойдем, – задергал я ногами, заставляя ее подпрыгивать.

– Надень хоть трусы, иначе мы никуда сегодня не пойдем, – вставая с моих колен, сказала она.

Натянув трусы, я пошел вслед за ней на кухню. Она поставила одну рюмку на стол.

– Ты что, не будешь? – спросил я.

– А кто за рулем будет?

– Таксист, кто еще?

– Я думала... – не закончив мысли, она продолжила, – тогда, конечно, буду.

Я нарезал лимон и разлил коньяк.

– За что пьем? – спросила она, держа рюмку.

– За мою командировку!

– Оригинальнее ничего нет?

– Есть только затертое до дыр, за твою божественную красоту!

– Это как раз и не затертое.

Выпили за ее красоту, закусили лимоном, но уже за мою командировку.

Она надела на меня голубую рубашу, вязаный джемпер,

узкие, темные, льняные штаны, туфли, которые я терпеть не мог, но ее сводящие с ума. Сдобрила все это ароматом Gucci.

– Вот теперь ты будешь сводить с ума малолеток.

– И только? – шутил я.

– Не одну уже свел, не достаточно?

– Вполне.

– Вот и умничка!

Глава 3. Шувалов

Она надела то блестящее платье, которое нисколько не прикрывало спины и практически обнажало задницу. Большое декольте показывало ее упругие, красивые, важно чуть задранные вверх груди. Туфли на ее маленьких ступнях я не видел раньше, а может быть, просто не помнил? Они представляли из себя тоненькие полоски, усыпанные стразами, и длинные шпильки. Спросить о туфлях я не отважился, дабы не слышать шквал претензий. «Ничего не помню, ничего не вижу». Красивые, особенно ее маленькие, покрытые черным лаком ноготочки. Еще короткая норковая шуба, за которую я до сих пор в плену у ВТБ.

Я вызвал такси, заказ приняли тут же, и мы вышли на улицу. Одиннадцатый час, на улице темно и достаточно прохладно. У соседнего подъезда сидела на скамейках молодежь, один из них, вероятно, лидер, стоял между лавок, эмоционально рассказывая о том, как в ДК «Редуктор» они избили каких-то лохов. Подъехало такси. Мы сели, маршрут был ему известен. Из динамиков на мои уши обрушился Женя Белоусов, может быть, кто-то и другой, я могу ошибаться. «Что ты делаешь со мной, электрическая мгла. Золотые купола...». Опять «Радио Дача». Такое ощущение, что я живу в городе дачников.

У «Шувалова» аншлаг, только выйдя из такси, я услы-

шал доносившийся и мощный бит, вызывающий в моем теле микроскопические электроразряды. Еще не попав внутрь одной из многочисленных Ижевских ярмарок тщеславия, я уже был пропитан энергией клуба.

– Народу тьма! – радостно сказала Ира.

– Сегодня аншлаг!!!

Мы без проблем попали внутрь. Ира сдала шубу в гардероб, показав свое платье и отличную фигуру под ним. Завистливые взгляды девушек, съедающие мужские напитки ее энергией. Лево́й рукой, которой обнимал ее за талию, я чувствовал, как она надувается изнутри, готовая взорваться, окатив всех мелкой дрожью в теле. По телу бил бит больше 140 ударов в минуту, вызывая восторг людей на танцполе. Мы поднялись наверх, прошли за барную стойку, я занял свободный столик.

– Коль, я пошла танцевать, возьми мне какой-нибудь коктейль.

– Какой?

– Любую херню с мартини.

– Окей.

Она поцеловала меня в губы и спустилась вниз. Я подошел к барной стойке, девушка бармен мило мне улыбалась.

– Слушаю вас – сказала она.

– Пожалуйста, текилу и коктейль с мартини.

– Какой коктейль? – уточняла она

– Я не знаю, могу передать пожелание дословно.

– Говорите.

– Любую херню с мартини, это звучало именно так.

– Вот есть – и она начала перечислять мне названия, которые мне ни о чем не говорили и которые не заполняли щелочки нейронов, чтобы остаться в памяти.

– Давайте, – прервал я ее, – на ваш вкус.

– Хорошо, – ответила она, налила мне текилы и взялась за приготовление коктейля.

После минутных манипуляций он был готов. Украшен красиво, но содержание, уверен, – бодяга. Сел за столик, сквозь ограждения я видел внизу отжигающую Иру, видел двух парней отплясывающих рядом с ней, желая произвести на нее впечатление. Она же не проявляла к ним никакого интереса.

Рядом со столиком встали два парня, навалившись на перила. Один из них? явный клон Тимати, прокричал своему приятелю, такому же клону Лазарева.

– Смотри, – показал он пальцем на танцпол, – вон та, в блестящем, реально hot baby, вот кого, Никитос, надо снимать.

– Да, она ни хуя, – кричал он ему в ответ, – пойдем, может подкатим.

– Пойдем, – ответил Тимати.

Мне стало жутко интересно и смешно, они мне напоминали героев «Нашей Раши» Славика и Димона. Я провожал их взглядом, несмотря на то, что рядом с Ирой уже терлись

двое. Они начали как-то особенно двигать телами, напоминая мне брачные танцы пернатых. Тимати и Лазарев неизвестно чем напугали тех двух парней, весело отплясывающих рядом с Ирой, и они ретировались в другую часть танцпола. И тот, что Тимати, резко взялся за дело, он переместился, двигая бедрами так, будто совершает фрикции, а руками, как будто пытается проплыть сквозь тягучую субстанцию. Я не мог удержаться от смеха. Он что-то кричал ей, она же не обращала внимания, он не унимался, продолжая что-то кричать. В какой-то момент Ира взорвалась смехом, как будто зная, что я наблюдаю за представлением, бросила взгляд вверх, увидела меня и просто впала в истерику, быстро покидая танцпол. Два клона, по всей видимости, были шокированы ее истерическим смехом, встали, разинув рот, провожая ее взглядами.

– Коль, ну это просто пиздец, – смеясь, она села рядом со мной, – что он мне говорил! Это ужас. Это мне? – она увидела коктейль. – Какой красивый! Как называется?

– Ты знаешь как.

– Я не знаю, – удивилась она, – скажи.

– Любая херня с мартини.

– Ты так и сказал?! – не верила она.

– Именно так, как ты желала.

– Мочите вы, Николай Александрович!

Зажав трубочку между зубов и не отводя от меня своего взгляда, она отпила немного коктейля.

– Клевый, – удовлетворенно сказала она.

– И название у него соответствующее, – шутил я.

– Коль, ну ты прикинь, он мне говорит: «Детка, ты наверное вырвалась из клетки богатенького папочки, хочешь найти нормального пацика», а потом он начал петь, ну эту песню, по DFM ее крутят, быстрый секс и виски, там еще что то, я знаю чем тебя заманить.

– Я понял, – сказал я, прервав ее.

– Ты видел, какое чучело, под Тимати, что ли, косит.

– А второй – Лазарев не состоявшийся.

Мы рассмеялись.

– Коль, пойдем танцевать, – умоляющим голосом просила она.

– Ира, опять, что ли. Ты же знаешь, я не люблю и не умею.

– Ну как обычно постоишь, подергаешься, а я потрусь об тебя, пожалуйста!

– Пойдем, – согласился я, зная, что она не отстанет, залпом выпил рюмку текилы, зажевал лайм, жутко сморщившись.

По ушам бил сильный бит, танцпол полон, качественный свет и ловящие мгновения стробоскопы. Полилась тема Armin Van Buuren – Lost, на танцполе раздался одобрителный свист, я поддержал. У Армина это шедевр, как и Rain.

Ира двигалась сногшибательно, она невероятно пластична, ощущалось, что она вкладывает в танец все то небольшое, что у нее есть. Следом был трек Ferry Corsten – Made in Love,

Paul Van Dyk – For an Angel, Леонид Руденко. После четырех треков мы поднялись наверх, Ира устала. У барной стойки она встретила знакомую, не останавливаясь, я прошел к столу и сел, прикурив сигарету. Они поцеловали друг друга в щеки, та восхищенно рассматривала платье Иры, о чем-то оживленно поговорив, обе пошли к столу. Ира села рядом со мной, а ее знакомая – напротив.

– Привет! – радостно сказала она.

– Привет, – ответил я.

– Коль, это Яна, мы с ней вместе учились, – представила мне ее Ира.

– Очень приятно, Николай, – смотрел я в ее, изучающие меня, карие глаза.

– Значит, Коля, – улыбнулась она.

– Значит, Коля, – вторил я ей.

– Очень приятно, сказала она и протянула мне руку, на пальцах которой были невероятно длинные ногти.

Я пожал ее, она взглянула на Иру, и они рассмеялись. В чем казус, я так и не понял. Яне я заказал тот же коктейль, что и Ире, а себе опять текилу.

Трепались они о каких-то однокурсниках, которые родили, вышли замуж, попали в автокатастрофу. Втягивая периодически меня в свой разговор, минут тридцать они тараторили, пока не подошел какой-то парень, по всей видимости, бойфренд Яны, и увел ее.

– Ир, уже второй час, может, поедem домой?

– Она наклонилась ко мне и сказала на ухо:

– Если ты хочешь наказать свою плохую девочку, тогда поехали.

– Хочу, – ответил я, и мы встали из-за столика. У входа стояли такси, ожидая клиентов. Я сказал ему адрес, и мы поехали. Этот был не дачником, слушал DFM.

Я думал о Ире, о том, как она просила наказание, наверное, ее сильно терзали измены, и она бессознательно пыталась всячески искупить вину, которой не было. Мне жаль ее, жаль потому что, этот внутренний конфликт лишил ее радости жизни, несогласие с собой тяготит, отравляет жизнь, люди стареют, гнутся под тяжестью созданных ими же грузов. Говорить с ней откровенно значит разбить ее хрупкую внутреннюю сущность. Услышать от кого-то неважно как сформулированную мысль о том, что она не порядочная, для нее подобно смерти.

Я жду. Может быть, она встретит кого-то и ей покажется, что между ними есть чувства, и тогда она самостоятельно выкинет меня из своих жизненных раскладок. Может быть, этот качок? Нет, от надежды на то, что между ними что-то возникнет, не осталось и следа. Иначе они уже как-то бы себя проявили. Ира бы втянула меня в глупое соперничество. Видимо, ее такое положение вещей вполне устраивает, чего нельзя сказать обо мне. Мое сердце жаждет любви, мне хочется всему и без остатка отдаться этому чувству. Я хочу взрастить в своей груди семя любви, наслаждаясь ее плодами

вечно. Хочу раздавать семена любви, помещать их в плодородные сердца людей. И не хочу жить в бесконечном обмане.

– Коль, – шепнула она мне на ухо, – нужно в аптеку заехать, у нас нет смазки.

– Дружище, – обратился я к водителю, – давай в аптеку заедем.

– Рядом только на Майской, – ответил он.

– Поехали, – ответил я.

Ира зашла в аптеку под взгляды трех мужчин, двух стоявших у аптеки и меня сидящего в такси. Через две минуты она уже сидела со мной, обвивая меня руками и прижимаясь упругим телом.

– На улице холодно так, – мурлыкала она, – ноги замерзли.

– Сейчас я тебя согрею, – ответил я.

– Ты у меня самая горячая и самая лучшая биологическая грелка на свете, – продолжила она мурлыкать мне в ухо.

– Счастлив быть удостоенным такого высокого звания.

– Зая, я серьезно.

– Я тоже, Ир, все это только быстротечное и не важное.

– А что важное тогда? – спросила она.

– В данный момент то, что тебе хорошо быть со мной, не сравнивая меня с кем-то. Чтобы утверждать о том, что я лучше всех, тебе как минимум нужно попробовать большую часть мужчин.

– Я не сравниваю тебя, с кем я вообще могу тебя сравнивать?

– Мне откуда знать? Подъезжаем к дому, поговорим потом.

– Ты дурак! И все равно я люблю тебя.

Я ничего не ответил, и что я мог ей сказать? Этот разговор еще сильнее бы затянул в мерзкое липкое болото лжи, где Ира чувствует себя комфортно.

– Скинув шубу и туфли, она побежала в ванную.

– Я быстро.

Я прошел в зал, пакетик с кокаином лежал на столе в вазочке. Расчертил большую дорожку, проглотил ее, развалившись в кресле. Тело наполнялось силой, давление подскочило, в висках приятно стучал пульс, я встал, вдыхая через нос, наполнил легкие, что предало мне еще больше сил. Мышцы наполнились кровью.

Щелкнула дверь в ванной, Ира вошла в зал в черном прозрачном пеньюаре.

– Давай включим музыку.

– Давай, – беря пульт в руки, ответил я.

Акустика наполнила зал сетом In trance Armin Van Buuren, Ира протянула мне руки:

– Иди ко мне.

Я встал, она впилась в мои губы, проникая острым языком. Мои руки гладили ее спину, ягодицы. Дыхание ее участилось, животом она сильно прижимала мой эрегированный член, заточенный в трусы.

– Зая, давай еще по дорожке, – предложила она.

– Я уже принял, тебе я насыплю в попочку.

Мое предложение особенно произвело на нее впечатление, и она более страстно впилась в мои губы.

– Сейчас, – оторвалась она от моих губ и побежала в прихожую.

Вернулась она с двумя тюбиками смазки Contex long love, кинула их на диван, видимо, желая, чтобы я трахал ее бесконечно.

Глава 4. Дорога

В десять утра мы вместе приняли душ. Ира приготовила салат и бутерброды с семгой.

– Зая, – говорила она, жуя салат, – я буду сильно по тебе скучать.

– Две недели – это не такой уж и большой срок.

– Я уже скучаю, хотя ты еще рядом, пиши мне и звони.

– Ну, если не тебе, то кому еще?

– Кто тебя знает.

Действительно, кто меня знает, если я и сам не знаю себя достаточно хорошо. Позавтракав, она помогла мне собраться в дорогу, мы сходили в супермаркет, купили продуктов. К трем я был полностью собран.

Звонила Юля.

– Николай, через десять минут мы будем у тебя.

– Я готов.

– Вот и отлично, – радостно говорила она, – как будто у нас совместный отпуск, и в начале шестого мы летим на Балеарские острова.

В прихожей Ира устроила шоу, провожая меня, растрогалась и даже пустила слезу, как будто отправляла меня на вечную каторгу или в последний путь. Может быть, он и впрямь последний? Если это и так, меня это ни сколько не тревожит.

Выйдя из подъезда, я выкинул своего злейшего врага,

убеждавшего меня всю жизнь в том, что он как никто другой самый дорогой и ценный в моей жизни. Он говорил: «Я и есть жизнь!». Издав напоследок слабый, отчаянный писк, схожий с визгом поросенка, мозг упал у контейнеров с мусором. Земля под ногами неизвестно от чего содрогнулась.

Со всех сторон, обгоняя друг друга, неслись тысячи облезлых, голодных крыс. Мой мертвый, пугливый насос от страха сжался в груди, а ноги в паре с глазами уже были готовы унести меня прочь. Но не Я, как и тело, была их цель. Они бросились к нему, вступив в ожесточенную борьбу за кусочек яда. Мозг и вне МЕНЯ остался прежним, обманув безумных крыс, выдавая себя за неопишное лакомство.

Крысы отгрызали и проглатывали маленькие кусочки мозга, скользя, он проходил по пищеводу, попадая в желудок, моментально всасывался в стенки, проникал в кровь, парализуя нервную систему. Их мертвые, бьющиеся в конвульсии и вытянутые в смертельной судороге тела не настораживали других, все так же с остервенением бьющихся за яд.

Юля и наш программист Олег смотрели на меня. «Привет-привет!» И мы едем. Проезжая мимо Свято-Михайловского собора, я вынул из груди мертвый, изъеденный насос и выкинул его в форточку. Упав на асфальт, он превратился в прах от лучей солнца и был подхвачен осенним ветром. Следом Я выкинул руки, и они, обезумев от недостающей ранее свободы, принялись загребать все, что только попадалось на их пути. Окурки, фантики конфет, обертки шокола-

да, монеты, скорлупу семечек, экскременты птиц. У цирка Я выкинул язык, он упал в лужу, обрызгав грязью собравшихся людей. Он захлебывался, булькал, надувая грязные пузыри, но, ни на секунду не переставал изрыгать понос, восхищая публику. Восторженно крича, они требовали «бис». Я выкинул глаза у «Мышеловки». Лживые, подлые глаза! Глаза, которые превращали меня в вечно голодного, безмозглого пса с незакрывающейся слюнявой пастью и высунутым языком. Глаза радостно закатились внутрь, продолжая смотреть.

Я – хочу видеть!

На Сенной я выкинул уши, не способные уловить слова, трогающие душу. Я выкинул легкие, не дающие дышать полной грудью, выкинул почки, селезенку, нос, от прежнего меня не осталось ничего, лишь грудa костей и член, комфортно чувствующий себя в заднице Иры.

Я оброс новым мясом, наполнился наэлектризованной кровью, выросли новые органы, застучало сердце, способное глухим звуком ломать любые стены. Я стал другим! Во мне умер нормальный человек, и, возродившись, Я предстал этому миру личностью.

Впереди сидящая Юля, практически всю дорогу не умолкавшая, повернулась ко мне. Не видя моего перерождения.

– Коля, с тобой все нормально? – спросила она.

– Более чем, так как мне не было никогда.

– Станный ты какой-то.

В Балезино мы приехали к самому поезду. Я, груженный

сумками Юли, протиснулся в вагон, она давала какие-то поручения Олегу, которые ему необходимо сделать до ее приезда. Вместе мы разложили вещи в купе, проводник принес нам постельное белье, я незамедлительно расстелил его, разделся и лег.

– Юля, я пару часов вздремну, устал ужасно.

– Не дожидаясь ответа, я опустил голову на подушку и под стук колес погрузился в царство Морфея.

Снилось что-то необычное и даже важное, но боль в паху лишила возможности удержать созерцания в памяти. Стоило мне промедлить, и мой мочевого пузырь бы лопнул. Я подскочил, натянул трико, мельком взглянул на сидящую Юлю и незнакомого мне мужчину. Практически бегом я влетел в туалет. Освободив содержимое мочевого пузыря, я наслаждался вновь обретенным внутренним комфортом, долго стоя над унитазом. Умыл лицо, отметив, что физическое состояние мое довольно бодрое. За окном светло, странно, неужели я спал несколько часов? С этой мыслью я зашел в купе, меня, очевидно, ожидали. Юля, а с ней мужчина лет сорока, высокого роста, худой, но его лицо было жирным, как будто эта голова принадлежит другому телу. Коротко стриженные темные волосы, с беспокойными, мертвыми глазами и лицом типичного бандита-отморозка или такого же мента. Определить сразу невозможно, кто он, первый или второй, отличий, как правило, между ними никаких нет. С напускной радостью он сказал:

– Ну, наконец-то, сосед! – улыбнулся он во весь рот, показывая несколько черных нижних зубов, пораженных какой-то болезнью или камнем. – Я Саша, – протянул он руку.

– Коля, – пожал я ему руку, заметив больные, уродливые ногти на его руках и местами изъеденную кожу экземой.

Я вытер лицо и сел напротив. На столике стояла бутылка коньяка «Арагат», несколько салатов в пластиковых контейнерах, нарезанный лимон, буженина и вино в тетрапаке.

– Сколько времени? – спросил я, одновременно пытаюсь найти мобильный в куртке.

– Почти сутки спишь! – с явным упреком сказала Юля. – Что ищешь?

– Трубу, – ответил я.

– Вот – она протянула мне мобильный – Ира твоя извелась, бедная.

Мне не понравился ее тон, но я ничего не сказав, взял мобильный из ее рук. От Иры было семь СМС, она просила позвонить или написать, когда я проснусь. Я написал: «Я проснулся, все нормально, не переживай, ты как?».

– Ты как коньячку? – спросил меня Саша.

– Положительно, если чуть позже, еще не до конца проснулся.

– А я вот выпью, вы как, Юлия?

– Я еще то не допила, – ответила она.

– Ваше здоровье! – произнес он тост, моментально осушив рюмку, зажевал лимон, – Коля, я, как и ты, могу вечно

спать в поезде, – говорил он, – для меня эти тук-тук, тук-тук словно гипноз, ничего меня так не успокаивает, как стук колес.

– Может быть и на меня, но я этого не знал, – отвечал я.
Юля засмеялась.

– Именно из-за этого ты и проспал сутки, поешь, – предложила она.

– Я не помню, в какой из этих сумок сок? – смотрел я на нее, надеясь получить ответ.

– Над тобой, посмотри там, – ответила она.

Действительно, на верхней полке лежали две коробки персикового сока и бутылка минеральной воды. Я открыл одну из коробок и практически залпом осушил ее наполовину. Пришло СМС от Иры: «Зая, какого хера эта сука берет твой телефон? Я звоню тебе, а говорю с ней. Я тоже спала, как убитая, вечером с Аней идем в кино. Целую!».

– Ну что, хряпнем по пятьдесят? – опять предложил он.

– Сейчас можно, – согласился я.

Он наполнил две рюмки.

– За знакомство!

Я взял рюмку, взглянув на Юлю.

– У меня есть, ты покушай.

Она была права, есть я хотел сильно, коньяк приятно обжог горло и, смешавшись в желудке с соком, отозвался теплой волной.

– Вы знаете, – начал он, не морщась пережевывая дольку

лимона, – в Туву, далековато.

– В Тыву, если быть точным, – жуя салат, не известно за-
чем поправил его я.

– Какая на хер разница, ой, прошу прощения, – посмотрел он на Юлю. – А ты знаешь, обращаясь ко мне, говорил он, – там кроме баранов и конопли ничего нет, и народец они очень тяжелый.

Юля оторвалась от телефона, вероятно, писала в месседже или во что-то играла.

– А вы что, там бывали?

– Нет, не был, и слава богу, – сказал он так, будто речь идет о преисподней, – приходилось мне по роду службы сталкиваться с ними. Я ведь зам по БиОР, – сообщил он ничего не говорящую мне аббревиатуру, но по тому, с каким выражением он говорил, можно решить то, что, говоря о себе, он Господь Бог и не меньше, – чтобы вы понимали, я заместитель начальника по безопасности и оперативной работе, – сказав это, он вытянулся.

На моих глазах он превратился в какого-то павлина из передач по каналу Discovery, которые смешно вытягивают шею, раскрывают хвосты, пытаясь произвести впечатление на самку.

– Юля, работаю я в исправительной системе и ежедневно имею дело с отъявленными негодяями, в том числе и с Тувинцами. И, скажу я вам, может, выпьем? – взглянул он на меня.

В знак согласия я кивнул головой, поглощая буженину. Он быстро наполнил рюмки.

– Выпьем, – поднял он рюмку, – за то, чтоб у нас все было, и нам ничего за это не было, – произнося тост, он как-то странно улыбнулся, видимо, вспомнив именно то, благодаря чему у него что-то появилось, но мысль о том, что за это могут наступить негативные последствия, тяготит его. Типичная жизнь российского чиновника.

Выпили, я практически смёл все то, что было на столе, и еще не чувствовал себя сытым.

– Юля, я прервался, прошу прощения, – лебезил он, – и вот тувинцы такой народ, скажу я вам, неуправляемый и непробиваемый.

Юля смотрела на него, не отрывая глаз, судя по всему ей было интересно.

– Понимаете, что я имею в виду?

– Не совсем, – ответила она.

– Наша исправительная система, это не европейское сюсюканье, к преступникам у нас особый подход, есть особые учреждения, где к этим подонкам применяют древние, но очень эффективные методы. В одном из таких учреждений работает ваш покорный слуга, – чуть поклонившись, продолжил он, – задача таких учреждений заключается в исправлении или, как говорится, в ломке особо отъявленных, воров в законе, криминальных авторитетов, лидеров ОПГ, радикальных правдолюбов. Скажу вам честно, у меня ис-

правлялись все и отказывались от принципов, которыми жили долгие годы, — сжав ладонь в кулак, явно зверея от воспоминания применяемых методов. — Но вот тувинцы... Выпьем?

— Я пас, — отказался я, радуясь за тувинцев всей душой.

— Вы, Юля? — схватил он коробку с вином, готовый наполнить ей бокал.

— Нет, у меня еще есть, — подняла она бокал, наполненный чуть больше половины.

— Совсем немного, — настаивал он.

Юля ничего не ответила, и он долил вина. В купе я находился как неодушевленный предмет, как биологическая камера, ведущая видео— и аудионаблюдение. Я не существовал для него, слившись со стеной, что меня вполне устраивало. Такие, как он — очевидные звери! Абсолютно не отличающиеся ничем, а порой на порядок превосходящие тех, кому по роду службы они обязаны показать гуманность и верховенство закона, напротив, уничтожают людей, озлобляют их и со спокойной душой отправляют в общество. Вероятно, он считает себя настоящим мужчиной, brutальным мужчиной, а такие, как я, на его фоне считаются офисными серыми мышами. Жаль тех людей, кто находится под гнетом этого кровожадного создания. Я смотрел в его глаза, видя сияющие небоскребы тщеславия, из его уст лился яд, а из брюха выпирало надутое, детское, ранимое эго, дыры которого он латал, втапывая в грязь всех тех, до кого дотягивалась его

нога в берцовом ботинке. Он с остервенением топтал, стараясь как можно сильнее измарать людей. Он ненавидит людей, он уничтожил бы нас всех до единого, и все потому, что он не имеет в себе ничего из того, что присуще людям.

– И вот тувинцы, – пьянеющим голосом продолжил он, – особые отморозки, с ними приходилось потеть, что бы они понимали, куда попали и где их вещи, – засмеялся он, – а воспитываем мы, так сказать, не по Макаренко, – практически истерически разразился он хохотом.

Не исключая, что этот оборотень, Омский подполковник, и удостоился бы большего внимания одной из красивых девушек Ижевска, если бы не его повествования о пытках, которые безумно испугали Юлю.

Я надел куртку, взглянул в глаза Юли, читая мольбу не оставлять ее. Оборотень с капающими слюнями не обратил на меня никакого внимания, не предлагая кому-либо из нас выпить. Открыл новую бутылку коньяка, налил рюмку и опрокинул ее в свою мерзкую пасть.

– Хорошо! – удовлетворенно сказал он, продолжая рассказ о каком-то авторитете по прозвищу Седой, который, после того как его насильно засунули в унитаз, маршировал в камеру.

– Пошли в ресторан, – сказал я Юле.

– Пошли, Коля.

Если бы не ее ответ, он и не услышал бы моего предложения к ней, для него я давно прекратил существование.

– Как?... Куда? – моментально отрезвев, не веря своим ушам, спрашивал он, зло сверкнув на меня глазами. Юля воспользовалась его замешательством, протиснулась между ним и столом, накинула шубу, готовая следовать за мной.

– Меня никто не приглашает, – грустно, еле слышно говорил он. – Ну, хорошо! – подскочил он, голос его превратился в писк щенка, – приятного вам времяпрепровождения!

Меня ужасно веселила эта сцена, ничего не отвечая, я открыл дверь, пропустил Юлю, вышел в след за ней, раздавив его глаза, налитые кровью, и прищемил язык дверью купе.

– Ну и придурок же он! – быстро шагая вслед за мной, сказала она, вызвав у меня истерический смех.

Еще тридцать минут назад ее мнение о нем было абсолютно иным. Она словно под гипнозом тонула в его пустых, алчных, кровожадных глазах. Не исключено, ее воображение самым наилучшим образом рисовало командировочную интрижку с подполковником, а теперь она, как ошпаренная кипятком, бежит за мной.

Ресторан поезда Абакан – Москва практически пуст, только трое молодых парней выпивали, жарко обсуждая какие-то умопомрачительные вещи, связанные с автомобилестроением.

Восхищаемся чем угодно, но не жизнью, планшетами, мобильными телефонами, с замиранием сердца следим за запуском разрушающей ракеты «Булава», но не следим за жизнью.

Я заказал две чашки эспрессо.

– Ты кушать не хочешь? – заботливо спросила Юля.

– Нет, я же все там смёл.

– Коля, я думаю, нам нужно обратиться к начальнику поезда, чтобы его от нас убрали, пусть другим рассказывает о своем бесстрашии и зверствах.

– В этом нет необходимости, уверен, он уже осознал глупость, допущенную им, и, наверное, мирно спит.

– У меня такой уверенности нет.

– Не переживай, мы не у него в колонии, здесь такие, как он, незащищены, как дети.

– И все-таки... – продолжила она.

– Может, хватит, – прервал я ее.

– Ну, хорошо, – сдалась она. Официант поставил на стол кофе.

– Коля, мы можем посидеть здесь, он через четыре часа уходит.

– Кто он? – не сразу поняв, о ком идет речь, спросил я.

– Как кто? Саша!

– Юлия, вам бы стоило забыть о нем давным-давно.

– Легко тебе говорить, – обиженно сказала она.

– Ну да, действительно, я интересовал и интересую, точнее сказать, я вообще его не интересую.

– Что ты хочешь этим сказать? – непонимающе смотрела она.

– То, что и тебе вполне очевидно, его интересовала ты, –

она засмеялась.

– Его интересовал коньяк, но не я.

– Юлия Николаевна, не думал, что вы такая скромница. Выпивший и даже трезвый мужчина в вашем присутствии не может думать ни о чем, кроме вас.

– Хватит шутить, Коля.

– Я вполне серьезно.

– Значит, ты плохо знаешь мужчин.

– До настоящего момента я думал иначе.

СМС от Иры: «Зая, как ты? Я сильно соскучилась. Безумно люблю тебя, твоя малышка!»

Что ответить? Ее признания в любви – пустой звук, слова, не значащие ничего, полный ноль, они пусты, пустее романов Донцовой, пустее пустоты Пелевина в интервью Esquire, пустее Хасимы. Ее чувства нуждаются в таком же расчетливом чувстве, она не способна любить, не требуя чего-то взамен. Она нуждается только в том, чтобы любили ее. Она лишь освоила привычную систему манипуляционных уловок, полагая, что любовь именно таковой и является. Я не могу дать ей то, чего она требует, могу отказаться от всего, могу отдать ей все, но я не могу ее любить. Я не могу любить трупы! «Ир, всё в порядке, приеду на место, позвоню».

Мы просидели около полутора часов, выпили по две чашки кофе, съели пирожное. Юлия рассказывала о предстоящей работе, об очень милой, как ей показалось Оксане Владимировне, которая на две недели наш босс. Всю свою жизнь

я чей-то подчиненный, кто-то у меня Босс, начальник, президент, я постоянный баран, которого пасут. Я всегда часть безрассудного, слабого стада, не способного жить без пастуха с хлыстом.

– Вернулся? – спросила Юля.

– Можно сказать и так.

– Коля, это не мое дело, но мне давно жутко интересно, вы так давно вместе и не женитесь, почему?

– Почему мы должны жениться? – улыбнулся я.

– Как почему? У вас серьезные отношения, логическим завершением которых является свадьба.

– Логических цепочек в отношениях с женщиной, в том смысле, о которой ты ведешь речь, я не выстраиваю.

– А что ты строишь, если не секрет?

– Секретов нет, с ней ничего.

– Как это?

– Обыкновенно, – спокойно ответил я.

– Я тебя не понимаю.

– И я себя тоже.

– Ты когда-нибудь серьезно говорить можешь?

– Всегда, и сейчас я серьезен, я не серьезен к мертвому, а от нас с ней пахнет мертвиной.

– Вы расстались что ли?

– Нет.

– Я ничего не понимаю, объясни, пожалуйста.

– По-моему, все предельно ясно, мы вместе без будущего,

без прошлого, без чувств, без надежд на их появление.

– Как же вы тогда живете?

– Обыкновенно, как все, ведем совместное хозяйство, вместе спим, едим, моемся, дышим.

– Ясно, что ничего не ясно, – вздохнула она, совершенно не понимая, о чем я говорю. – И все-таки, так нельзя.

– Дай руку, – попросил я ее.

– Какую? – не ожидая подобной просьбы, растерялась она.

– Давай правую, – сказал я, протягивая руку.

Как-то робко и неуверенно она протянула мне руку. Я взял ее кисть в свои ладони, повернул тыльной стороной, рассматривая красивые маленькие пальцы, маникюр и нарисованные британские флаги на ногтях, которые и привлекли мое внимание.

– А почему именно британский флаг? – не выпуская ее руки, спросил я, – триколор патриотичнее.

– Не знаю, – улыбнулась она, – красиво, плюс я не патриот.

– Это почему же?

– Мне не нравится холодная, варварская Россия.

– Что же это такое? Не любить Родину, как можно? Быть честным, считал то, что ваш труд есть некий вклад в Родину. Как оказалось, я вас не знал вовсе.

– Хватит, Коля, – улыбнулась она, – я далеко не эгоистична, работаю я для себя, вернее для реализации своих идей. А что касается любви к Родине, это только тренд для радио и телевизора, в действительности кто ее любит и за что?

– Почему всегда нужно любить за что то? Можно любить или не любить и не иначе, я не о чиновниках и отдельно взятых людях, кто Россию видит как какое-то болото, из которого нужно высосать, откачать остатки чего-то ценного и свалить. Проблема нашей страны именно в том, что мы не хотим любить ее, себя, никого. Только поэтому мы так живем, хая во всех бедах Путина и еще кого-то, мы сами говно и живем так.

– Меня не переубедить, для меня актуальнее воплощения собственных планов, и на остальное мне все равно.

«Кто бы сомневался».

– Что это? Если не секрет.

– Это секрет, которым с тобой я поделюсь.

– Чем же я удостоен такого?

– Давай без издевок и лишних вопросов, удостоен и все!

– Хорошо, никаких вопросов, издевок, только острый слух, уже готовый уловить все, что ты произнесешь.

Огонь вспыхнул в ее глазах, энергия, которой были наполнены ее планы, лилась на меня. С юности она мечтала стать модельером. Платье на выпускной бал, которое по ее словам, вызвало у других девушек злую зависть, она сшила сама. Я никогда не обращал внимания на ее одежду, больше интересовало, что под ней, как оказалось, все это она шила сама. Весной она планировала открыть собственный бутик для деловых женщин.

– Что ты смеешься? – с наигранной обидой спросила она.

– Одежда для деловых дам, вот что меня смешит.

– На мой взгляд, нет ничего смешного, смешны современные мужчины, безынициативные, инфантильные.

– Может быть, их делают такими рвущие под ногами землю женщины? Может нужно быть не бизнес-леди, а просто леди? Давая раскрыть заглушенный потенциал мужчинам. Мужчина не настолько приземист и материалистичен, какой является женщина, и, соответственно, в бешеном рвачестве мужчине вас никогда не превзойти. Мы давно ушли от того, когда наши потребности ограничивались добычей куска мяса и шкур животных, в чем мужчина, несомненно, превосходил женщин. Сейчас мышцы лишь для эстетического удовольствия, но не для схваток с мамонтом или сеянья полей. Физическая сила сейчас – это пыль. Так что, Юлия, претензии к мужчинам не обоснованы. Мужчины еще до конца не приспособились, сейчас переходный период. Иногда возникают такие мысли, эпоха мужей политиков, властителей мира на закате, и мы уже совсем близки к матриархату, а мужчина в идеале должен быть ученым мужем, творцом, писателем, поэтом.

– Долго он будет длиться, этот переходный период, точно! А мысль о матриархате мне симпатичная и, как я думаю, рациональная, раз вы абстрактно мыслящие, в отличие от нас, вот и двигайте прогресс, а бюрократию и прочее не приятное вам оставьте нам, – сказала она, улыбнувшись.

Юля страшно не хотела идти в купе, и мне стоило не ма-

лых усилий убедить ее в отсутствии какой бы то ни было опасности. К нашему общему удивлению, в купе Саши не было, более того, не было его вещей.

Юля закрыла за мной дверь, несколько раз дернув ее, проверяя, надежно она заперта или нет.

– Надо убрать весь этот срач, – сказала она, имея в виду остатки пищи, контейнеры, бутылки, находившиеся на столе.

– Давай, – согласился я.

– Сиди, я сама, – отказалась она от моего участия.

Освободив пакет майку, она просто смела все, что было на столе, протерла его тряпкой, предварительно смочив её минералкой, и, удовлетворенная проделанной работой, села напротив.

– Как хорошо, что его здесь нет, если честно, я почему-то так устала, козел этот разбудил меня своим шуршанием, я даже сначала испугалась, а ты спишь и носом не пошевелишь, – говорила она, улыбаясь.

– Извини, в случае опасности я бы подскочил в любой момент.

– Конечно, – смеялась она, – подскочил бы он, оставил меня одну, а я ведь просила у Василия Евгеньевича не просто сотрудника, но и еще и плечо, на которое можно если что положиться.

– Сейчас не этот момент, – смеясь, подставил я ей плечо.

– Коля, перестань дурачиться, – смущалась она.

– Я не дурачусь, в любой момент я рядом.

– Ну, хорошо.... Еще целые сутки ехать, надо сканворды, что ли, купить, интернета еще нет, умрем со скуки.

– У меня, – засмеялся я, – конечно, есть в запасе пара идей, как весело провести время, но проклятая корпоративная этика мешает мне.

– Иди-ка ты со своими идеями, – смеясь, говорила она, – я буду спать, а ты охраняй меня.

– Иначе зачем я здесь? Приятных снов.

Сняв только спортивную кофту, оставшись в трико и обтягивающей футболке, сквозь которую я отчетливо видел ее грудь, без лифчика, она залезла под одеяло.

– Скучно станет, буди, – сказала она.

– А как будить тебя?

– Ты умеешь по-разному?

– Само собой, – ответил я.

– Даже не хочу знать, обыкновенно, как еще?

– Еще...

– Коля, и не продолжай, иначе я так и не усну.

– Хорошо, приятных снов.

– Спасибо, ты что делать будешь?

– Музыку послушаю.

– Ну и хорошо, я сплю, – сказала она, отвернувшись к стенке. Вероятно, думая о том, как я мог бы ее разбудить.

Я взял мобильный, включил режим без звука, достал из кармана куртки наушники, забрался под одеяло и вклю-

чил Estate of Trance Armin Van Buuren.

Хотел зайти на «мыло», но соединения не было, несмотря на то, что связь была устойчивой. Пора уже точки Wi-Fi установить в поездах, высказал я претензию руководителю РЖД, которую он не услышал.

Глава 5. Прошлое

Поезд убаюкивающее покачивал, качественный транс вызвал во мне сонливость. Я зазевал и, немного поворочавшись, уснул.

В квартире я находился один, в той, где я провел детство и юность, в той, которая называлась родным домом. За окнами было темно и ни в одной из комнат не горел свет, лишь луна слабо освещала комнаты. Я стоял в спальне, дверь в зал была открыта. Я видел диван, на котором любил лежать отец, видел напротив стоящие кресла, посреди которых находился журнальный столик, вечно заваленный ворохом газет и журналов. Видел в углу стоящую тумбу с телевизором, видел все то, что пропитано духом моего отца и матери, все то, в чем хранилась и моя частичка, но уже давно забытая. Созерцая родные мне с детства вещи, я ощутил неопишуемый восторг и внутреннюю целостность, которой мне так не хватало. Прошел в зал, сел в кресло, всматриваясь в каждую мелочь. Вот та медвежья шкура, лежащая у дивана, с угрожающе раскрытой пастью и пластиковыми глазами. Я часто валялся на ней, не давая читать отцу, он свешивал руку и, ухватив ее, я, кряхтя, пытался стащить его, но мне никогда это не удавалось, и, выбиваясь из сил, я валился на пол. Тяжело дыша, я просил отца поиграть в солдатиков, и под натиском моего нытья он соглашался. Я радостно подскакивал

и бежал за коробкой с солдатиками. Поделив зал на две части, мы расставляли сотни солдатиков, индейцев с томагавками и луками, рыцарей с обнаженными клинками, копейщиков, казаков на резвых конях, солдатиков второй мировой с автоматами и гранатами, снайперов и даже военных далекого будущего с лазерами. И под умиленные взгляды матери начинались наши баталии, которые всегда сопровождались полным разгромом армии отца.

В комнате мелькнула тень, испуганно я вскочил из кресла, на том месте, где я совсем недавно стоял, находился какой-то человек, присмотревшись, я не смог определить, мужчина это или женщина. Оно стояло не шевелясь, молча, не дыша. Я смотрел на него, как замороженный, не моргая, пока оно не распалось на две равные части, трансформируясь в огромных, с ядовито-желтыми глазами волков, что есть силы я рванул в кухню, чувствуя их дыхание за спиной, не задумываясь, прыгнул в закрытое окно, разбивая стекла. Неизвестно, как я ухватился за ветви тополя и, ломая их, оказался внизу совершенно невредимым, слетев с четвертого этажа. Подняв голову, я увидел две озлобленные головы, торчавшие из окна.

Я проснулся мокрый от пота, напуганный, сердце нещадно билось в груди. Юля мирно спала. Светало. Поезд мчался по бескрайним просторам Сибири, с каждой секундой приближая к далекому Абакану. За окном мелькали скинувшие листву березы, когда-то дававшие измученным каторжникам

напиться в пути. Я видел староверов, бежавших из оставленной Наполеоном пылающей Москвы. Видел тысячи людей, чьи имена и лица мне не знакомы, и все они хотели укрыться в огромной, гостеприимной, принимающей всех, как родная мать, в нежной, теплой огромной Сибири. Теперь и я вслед за ними убегал, гонимый опостылевшей, серой, предсказуемой жизнью. Убегал отсюда, где я родился и вырос, бежал от того, что за тридцать лет мне так и не стало родным, бежал от тех, с кем ежедневно разлагался, бежал из коллективной могилы!

Осторожно, боясь нарушить сон Юли, я достал из сумки зубную щетку и пасту. Дверь шумно открылась, я взглянул на нее – спит. Лишь прикрыв ее, я быстро зашагал в туалет. Свободно! Наспех почистил зубы и умылся. Юля встретила меня заспанным и от того особенно милым лицом.

– Доброе утро! – улыбаясь, сказал я.

– Доброе, там занято?

– Нет.

– Я пошла, – сказала она, взяв с собой косметическую сумочку салатного цвета. Дверь громко захлопнулась за ней. Я налил стакан сока, залпом осушил его, взял сигареты, пошел в тамбур. Прохладный воздух бодрящим потоком попадал в мои легкие, обогащая кровь кислородом. Прежде чем закурить, я наслаждался им, стоя у двери, навалившись на стенку. Я смотрел на дверь туалета, пуская дым, Юля еще была там.

Выкинув окурок, я пошел обратно, на пути мне встретилась выходящая из соседнего купе женщина, лет сорока пяти, в голубом халате, обтягивающим ее тело, показывая невероятно тонкую талию, огромную грудь. Ботексным лицом она спросила:

– Молодой человек, вы из туалета?

– Нет, – ответил я.

Она улыбнулась и прошла мимо. Я зашел в купе, все еще думая о ней, мое внимание занимал ее взгляд, взгляд старой, измученной бледи, безуспешно пытающейся оставить свое прошлое и прожить жизнь заново. Я никогда и ничего не имел против таких женщин, более того они вызывали во мне уважение тем, что были честны, не боясь людских ярлыков. Но эта же в голубом халате была не из той честной породы, а напротив, из тех, чья жизнь и была сплошная ложь. Жизнь, которая требует от лгуны ежеминутного совершенствования актерского мастерства. Мне стало ее жаль, я подумал об актерах театра, их герои умирают вместе с опустившимся занавесом, так и она, прожив свою жизнь играя, не проснется в конце, а просто исчезнет, не оставив ничего, кроме навыков, освоенных ею, которые так же для кого-то станут гибелью.

Станиславский, наверно, похвалил бы ее своим «верю», но не жизнь.

Вошла Юля с серьезным и даже немного суровым выражением лица, но с сияющими глазами. За эти двое суток, я

заметил в ней что-то, не поддающееся классификации, чего не мог разглядеть раньше. Вероятно, сняв свой деловой костюм, она также сняла панцирь, который служил ее защитой в повседневной жизни.

– Что-то не так? – спросила она.

– Нет, всё так.

– А что ты тогда так смотришь на меня?

– Пытаюсь разглядеть, – отвечал я.

– Скоро третий год, как ты разглядываешь, и все разглядеть не можешь?

– Всё то время я видел тебя другой.

– И что же ты сейчас обнаружил? – она села напротив, смотря широко раскрытыми карими глазами.

– Не знаю, возможно, это то, что невозможно передать словами, а возможно, и то, чего я еще не познал или просто познать слаб. Но могу сказать одно, то, что есть в тебе, безусловно, заслуживает внимания и уважения.

– Коля, зачем ты мне это все говоришь?

– Ты спросила, я ответил.

– Но ведь это не серьезно, ты просто шутишь.

– Юля, я всегда говорю серьезно, всегда, это значит всегда, точнее сказать, я говорю то, что чувствую и думаю. Я могу при этом смеяться, улыбаться, плакать и рыдать, но это не означает, что я не честен. Я не знаю многих истин и поэтому могу, как и все, заблуждаться, но не лгать.

– Я всегда считала тебя другим, конечно, не таким, как

все, но сейчас ты с каждым днем все сильнее начинаешь удивлять меня, я даже скажу больше, ты пугаешь меня. Я беззащитна перед тобой, и я этого боюсь, – сказав это, она потупила взор и замолчала.

– Юля, а пойдем-ка пить кофе и позавтракаем, – сказал я, давая ей возможность ухватиться за мое предложение, вытащив себя из нахлынувших мыслей и чувств.

– Конечно, пойдем! – ухватилась она, взглянув на меня, как мне показалось, немного влажными глазами.

Она накинула спортивную кофту и мы, не задерживаясь, отправились в вагон-ресторан.

Несколько столиков были заняты, за одним сидели всё те же молодые люди, которых мы встречали вчера, двое мужчин, порядком пьяные, и мужчина с женщиной, молча, не отрывая взгляд от блюда, поглощающие завтрак. Мы заняли столик, расположенный в углу, максимально удалившись от остальных посетителей. Заказали два кофе, два салата, она – «Цезарь», я – «Гранатовый браслет», и порцию омлета. Мы молчали, она не отрывала взгляда от TV, а я мастерил кораблик из салфетки. Принесли заказ.

– Приятного аппетита, – сказал я.

– Спасибо, тебе тоже, – не встречаясь со мной взглядом, ответила она. Ели молча, о еде я не думал, не чувствовал вкуса, словно пластмасса, она погружалась в меня. Я думал о ней, о том, что ее так беспокоит. Покончив с салатом, она заявила, шокировав меня:

– Я хочу напиться!

– Зачем это? – задал я глупый вопрос.

– Просто хочу и все! – ответила она, посмотрев глазами, наполненными решимостью, будто она отважилась на что-то крайне экстремальное.

– Самая честная мотивация. У меня такой нет, но я последую твоему примеру.

– Спасибо, я пьяная, как дура, – наконец улыбнулась она.

– Ничего, я и трезвый не умен, так что мы поладим. Что пить будем?

– Коньяк, – ответила она.

– Юля, мне кажется, нужно идти в купе.

– Конечно, – согласилась она.

Я купил бутылку Remy Martin, плитку шоколада и несколько лимонов, которые любезно нарезала официант, сложив их на пластиковое блюдо.

– За что пьем? – спросил я, наполняя рюмки.

– Давай без тоста, – грустно ответила она.

– Давай, – согласился я.

Юля одним махом опустошила рюмку, продемонстрировав серьезность своего намерения напиться. Я выпил следом.

– Знаешь, Коля, – начала она говорить, пристально взглянув, – сегодня ты говорил, как Андрей: «Давай еще выпьем».

Ничего не говоря, я вновь наполнил рюмки, мне стоило только поставить бутылку, как она взяла рюмку и, не мешкая, выпила.

– Я сейчас заплачу, – сказала она.

– Ну и что в этом такого?

– Я не хочу плакать при тебе, – говорила она, глаза ее наполнились слезами.

– Я уйду, – сказал я, вставая.

– Нет, Коля, – она подскочила, нежно коснувшись моего плеча, я сел, она тоже, и в ту же секунду из ее глаз брызнули слезы, – Коль, – смотрела она на меня глазами, полными слез, – я поплачу и все пройдет.

Я молчал, не отводя от нее глаз, я не знал, кто этот Андрей, и почему она вообще сейчас проливает слезы, но глядя на нее, у меня возникало схожее с ней состояние, появился ком в горле, и в любую секунду из моих глаз могли пролиться слезы вслед за ней.

Я сел рядом с ней, она взглянула мне в глаза, я обнял ее, и в ту же секунду она разрыдалась по-настоящему, пряча лицо в моей груди. Я гладил ее голову, чувствовал запах русских волос, вздрагивающее тело, чувствовал не дающую ей покоя боль, крепко вцепившуюся в ее сердце. Чувствовал что-то непоправимое и нависшее над ней. Мое сердце обливалось кровью, я проклинал всех и вся, кто своими действиями ранит сердца людей, я проклинал себя, я ненавидел себя, то ничтожество, не способное что-то изменить, помочь ей.

Прошло около получаса, прежде чем она успокоилась.

– Ты знаешь, Андрей, ой, Коль, извини, – улыбнулась она, – Андрей это мой жених, его убили три года назад, да-

вай выпьем еще.

Я сел на прежнее место, наполнил рюмки.

– А теперь выпьем за то, чтобы в твоей жизни и в жизни людей было меньше слез, а больше радости, – предложил я.

– Согласна, – ответила она.

Рюмки звякнули, мы выпили, морщась, Юля зажевала лимон.

– Давно я не пила и не плакала, ты извини меня.

– Тебе не за что извиняться, в том, что произошло, больше виноват я.

– Ты ни в чем не виноват, – возразила она.

– Ну как же, я встревожил твою память.

– Я никогда его не забываю и не забуду, – направив взгляд куда-то мимо меня, тихо говорила она.

– Юля, я, как и ты, познал, что такое потеря действительно хороших людей, они уходят сами или же покидают этот мир по чьей-то злой воле, но благодаря таким встречам мы учимся различать цвета, благодаря им мы учимся жить. Ты счастливая женщина, что на твоем пути встретился тот, кто вдохнул в твое сердце жизнь, которая будет жить вечно.

Она смотрела мне в глаза.

– Коля, ты не представляешь, какой он был человек!

Ей было семнадцать, когда они встретились впервые. В магазине совершенно случайно он подошел к ней и спросил ее имя, предложил вместе прогуляться, но Юля в категоричной форме отказалась. Не сдавшись, он дождался ее

у входа, практически силой взял из ее рук пакет с продуктами, навязавшись сопровождать ее до дверей квартиры. Он был старше ее на четыре года, среднего роста, брюнет с зелеными, словно болота, глазами, затянувшие ее в тот же вечер. По дороге он не переставая говорил, Юля молчала, чувствуя, как мысли об идущем рядом Андрее заполняют ее сознание, вытесняя все то, что занимало прежде. Уже подходя к двери подъезда, Юля, наконец, сдалась и ответила улыбкой на одну из его шуток. Несколько минут они стояли, пристально смотря в глаза друг друга, наполняя сердца искренним чувством.

На следующий день они весело гуляли под лучами июльского солнца по улицам Казани. Через полгода они уже жили вместе в арендуемой квартире. Андрей был ее первый мужчина, первый во всех смыслах этого слова. Первый, кто коснулся ее сердца своим, первый, кто подарил радость ласки и безумного оргазма. Первый, чье семя проросло в ней, но злая судьба не позволила тому, безусловно, счастливому существу, зачатому в настоящей любви, увидеть свет.

Они были вместе четыре года, прежде чем случилось непоправимое, разрушившее счастье Юлии. Предполагалось большое торжество по случаю их свадьбы, оставались считанные дни до того, как она ослепительная в белоснежном платье, с кольцом на безымянном пальце, под вальс Мендельсона, счастливая, стояла бы рядом с тем, кого любила всем сердцем, сердцем, которое билось для него и того ма-

ленького существа, живущего в ней пять недель.

Он забрал ее из дома матери, у которой она гостила с утра. По дороге в недавно купленную квартиру, к планированию которой приложила руку Юля, он делился радостью успеха завода по переработке вторсырья, владельцем которого являлся он и его друг детства Ильшат. Въезжая во двор дома им преградила проезд темная ВАЗ 2199, из которой моментально выскочили двое мужчин с автоматами в руках. Юля даже не успела ничего понять, Андрей с силой втолкнул ее в маленькое пространство между пассажирским креслом и панелью, накрыв своим телом. Раздался шквал выстрелов. Все стихло. Юля чувствовала обволакивающую ее тело липкую, жаркую кровь. Из глаз текли слезы.

Около тридцати минут она просидела, укрытая телом Андрея, пока не подъехал наряд милиции и карета скорой помощи. Ее не ранило, Андрей умер мгновенно. Всю с ног до головы залитую кровью любимого, ее доставили в больницу, где держали под охраной милиции практически месяц, за который она потеряла частичку его, живущую внутри, и рассудок.

Людей, лишивших Андрея жизни на земле, не нашли, и сотрудники правоохранительных органов советовали Юле на время уехать из города. Она согласилась, считая, что смена обстановки, новые люди, как-то притупят ее боль. Так она и появилась в Ижевске, а чуть позже в офисе, где я трудился на благо потребителей города.

Весь день я просидел в ее слезах, прижатый к стене огромным, живым, с не заживающими ранами сердцем. По моему лицу текла сукровица из этих ран, не пачкая меня и не вызывая неприятных ощущений. Она попадала мне в рот, и я вкушал ее, будто тело Христа, но более благостное для меня.

Закончился коньяк, салфетки, закончились всхлипы и слезы Юли.

– Коль, я пойду умоюсь.

– Пойдем, я провожу тебя и покурю.

Она взяла с собой все ту же сумочку, и мы вышли из купе.

В тамбуре не продохнуть, дым настолько плотный, будто только что здесь курила дивизия солдат. Прикурил, сделал несколько затяжек и быстро вышел, гонимый в спину облаком дыма. Я постучал в дверь туалета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.